

Д. А. Бродяк

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО СОЦИУМА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БИРМЫ

В процессе становления современного глобального мира в XX в. традиционные общества стран Азии и Африки переживали серьезные экономические трудности и испытывали углубляющийся кризис идентичности, сопровождавшийся маргинализацией широких слоев населения и появлением радикальных политических группировок террористической направленности. Как и в ряде других регионов Востока, в Бирме/Мьянме – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии – выступление обнищавшего крестьянства против колониальных аграрных порядков во второй половине XX в. возглавила возникшая еще в колониальный период леворадикальная Коммунистическая партия. На протяжении нескольких десятилетий она вела борьбу за политическое господство в стране, пройдя сложный путь от одного из крыльев формирующейся модернистской элиты Бирмы/Мьянмы до маргинализованной контрэлитной группировки, оттесненной на периферию национального политического поля.

Следует особо подчеркнуть, что данная военно-политическая трансформация левой контрэлиты Бирмы/Мьянмы, имеющая существенное значение для установления внутренних механизмов развития местного социума, пока не нашла отражения в современной бирманистике. Этапы межэлитного противостояния в послевоенной Бирме/Мьянме как российские [Васильев 2010; Можейко 1973], так и западные [Lintner 2014; Smith 1999; Taylor 2009] авторы до сих пор освещали преимущественно в парадигме фактологического описания борьбы за власть бирманских политических сил, не останавливаясь на вопросах их внутренней эволюции и не увязывая формирование последних с реакциями местного традиционного общества на вторжение реалий и ценностей современной глобальной цивилизации.

Нужно отметить, что под эгидой сильного традиционалистского государства в Бирме к началу XIX в., к моменту прихода английских колонизаторов, под влиянием индийских и китайских

образцов сложилась самобытная политическая культура, наложившая отпечаток на все отношения в местном обществе. Как и в ряде других стран Дальнего Востока, власть в традиционных бирманских представлениях представляла, прежде всего, как способность к покровительству. Вместе с тем, власть в бирманской политической традиции воспринималась также и как способность приказывать и подчинять, требовать безоговорочного исполнения воли [Агаджанян 1987, 322–323]. В колониальный период эти формировавшиеся столетиями представления о политической культуре временно потеряли актуальность и отошли на второй план на фоне того, что традиционная Бирма оказалась бессильна противостоять натиску колонизаторов. В то же время традиционалистские черты бирманской политической культуры отнюдь не исчезли и под властью англичан. Влияние традиционной политической культуры в новейший период истории страны очевидно сказалось уже в том, что за годы Второй мировой войны, в период японской оккупации, в Бирме достаточно спонтанно сформировались мощные Вооруженные силы, во главе которых встали патриотически настроенные молодые люди. Конечно, все они уже не были носителями старобирманской политической идеологии – на ее базе было невозможно сформировать современное государство со всеми его институтами. Аун Сан, Не Вин, У Ну, У Тан и их соратники из довоенной патриотической организации “Добама Асиайон” (“Наша Бирма”), которые образовали ядро бирманской постколониальной элиты, еще в 1920-е – 1930-е гг. познакомились с английским языком и элементами европейской культуры в средних англо-бирманских школах, а затем обучались в Рангунском университете, специализируясь в основном в области литературы, истории, права. Все они неплохо ориентировались в европейском культурном дискурсе, пытаясь приложить к развитию родной Бирмы самые современные западные теории: от марксизма-ленинизма до фашизма [Листопадов 1996, 115; Листопадов, 1997, 58–59; Листопадов 1998, 88–90; Листопадов 2005, 67–68].

Среди формировавшейся модернистской элиты страны наиболее левые позиции к началу 1940-х гг. занимала Коммунистическая партия Бирмы, основанная 15 августа 1939 г. в Рангуне, на встрече группы левых такинов, рабочих и студенческих лидеров.

Генеральным секретарем КПБ стал Такин Аун Сан, бывший лидер патриотической ассоциации “Добама Асиайон”; в 1942 г. его сменил на этом посту яркий, харизматичный деятель Такин Тан Тун, выходец из среды школьного учительства. При этом, неготовность патриархально настроенных слоев населения к современным формам политической активности привела к парадоксальному, на первый взгляд, обстоятельству, что в создании КПБ – организации, ориентированной, в первую очередь, на массы среднего и беднейшего бирманского крестьянства, – важную роль сыграли связи с Компартией Индии и непосредственно этнические бенгалцы, жившие в Бирме. Так, выпускник Рангунского университета Х. Н. Гошал (“Тов. Ба Тин”) с момента основания КПБ и до своей гибели в ходе партийных чисток 1965–1967 гг. являлся главным партийным теоретиком, редактором основных программных документов бирманских коммунистов; обучавшийся в Индии член ЦК Амар Натх (“Тов. Йеба Тун Маунг”) долгие годы руководил центральной медицинской школой КПБ и всей медицинской службой вооруженных сил бирманской Коммунистической партии [Lintner 2014, 76–77]. Следует сказать, что Компартия Бирмы сыграла выдающуюся роль в бирманском освободительном движении как в период Второй мировой войны, так и на мирном этапе бирманской национально-освободительной революции, в 1945–1947 гг. В годы японской оккупации бирманские коммунисты, ведущей фигурой среди которых в это время был Такин Со (1905–1989), первыми заявили, что на пути к независимости Бирма должна бороться с фашистскими государствами вместе с СССР и другими державами антигитлеровской коалиции. Еще в 1942 г. КПБ призвала бирманцев к борьбе с японскими милитаристами и вскоре начала создавать партизанские группы. Это был первый очаг национального движения сопротивления японским захватчикам. Неудивительно, что в середине 1940-х гг. именно Компартия Бирмы стала ядром единого национального антиимпериалистического фронта – Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС) во главе с генералом Аун Саном. Правда, между коммунистами и социалистами Бирмы уже в тот период существовали немалые противоречия. В частности, входя в Лигу и поддерживая ее вместе с Социалистической партией, Компартия стремилась поставить под свой

контроль общенациональные профсоюзы и крестьянские организации и затем использовать их в своих политических целях [Васильев 2010, 135–136, 181–183].

Тем не менее, борьба между крыльями бирманского национально-освободительного движения вряд ли привела бы их в будущем к состоянию полного разрыва и ожесточенной гражданской войны, если бы в Бирме в послевоенный период, на фоне глубокого разорения страны в ходе военных действий, не актуализировались традиционалистские аспекты восприятия атрибутов современной цивилизации. Следует отметить, что еще в предшествующий период укоренение на местной почве рыночных отношений, выбившее из привычной жизненной колеи миллионы людей, трактовалось в народе, прежде всего, в парадигме противостояния патриархального деревенского общества и чуждой ему городской культуры, появившейся в Бирме после британского завоевания.

В этих условиях левое крыло бирманских модернистов – Коммунистическая партия Бирмы, претендовавшая на представительство коренных интересов всего бирманского народа, ради сохранения своего влияния в традиционалистской народной среде не удержалась от соблазна перейти на платформу леворадикальной крестьянской идеологии, активно разрабатывавшейся в окружении Мао Цзе-дуна – лидера китайских коммунистов. Надо сказать, что философия Китайской коммунистической партии воспринималась среди крестьянства Бирмы и иных сопредельных с Китаем стран тем более легко и органично, что хорошо учитывала крестьянскую психологию и базировалась на многотысячелетнем фундаменте китайской традиционной культуры, сильно повлиявшей на культуру всех окружающих Китай народов. Известно, что основные воззрения Мао на политическую практику были высказаны в его философских работах “Относительно практики” и “Относительно противоречия”. Как свидетельствуют биографы главы КПК, при написании этих трудов Мао Цзе-дун опирался, в первую очередь, на усвоенные им еще в юности классическую китайскую философию и историю династий Древнего Китая. Также в период существования партизанской базы в Яньани, в 1930-е – 1940-е гг., Мао активно изучал традиционный китайский роман – в конфуцианской традиции

человек, не знавший классическую литературу, не мог считаться образованным [Мао Цзе-дун Т. 2, 1953, 456–457; Тарасов 2000, 89–91]. Отталкиваясь от старокитайского идеологического наследия и вступая в прямое противоречие с европейской рационалистической традицией, Мао Цзе-дун ввел в политическую практику теорию “равновесия и отсутствия равновесия”. Она постулировала необходимость превентивного провоцирования внутренних кризисов со стороны властной верхушки социума, которая таким образом может периодически выявлять скрытых противников прогресса и расчищать дорогу для общественного развития [Мао Цзе-дун Т. 2, 1953, 445, 449]. Очевидно, что подобная концепция, несмотря на весь ее внешний радикализм, была значительно ближе к традиционным дальневосточным представлениям о вечной борьбе начал “инь” и “ян”, о непрерывающейся в природе и истории смене двух стихий по замкнутому циклу, чем к гегелевско-марксистской философии общественного развития. При этом Мао ясно осознавал, что осуществляет у себя в стране именно крестьянскую революцию. Уже в 1940 г. в работе “О новой демократии” китайский лидер четко определил, что разворачивающаяся партизанская война должна установить в Китае порядки, выгодные, прежде всего, крестьянскому населению страны, обеспечить “победу деревни над городом” – цитаделью эксплуатации народа [Мао Цзе-дун Т. 2, 1953, 464; Мао Цзе-дун Т. 3, 1953, 246–247]. Упомянутая теория и практика крестьянской революции нашла широкий отклик во фрустрированных колониализмом массах патриархального крестьянства самых разных стран третьего мира – от Латинской Америки до Индии и Кореи; Бирма в этом ряду отнюдь не являлась исключением. Произошедшая после войны резкая радикализация бирманского крестьянства поставила на повестку бирманской жизни вооруженное противостояние умеренных левых сил (АЛНС), выступавших против крайних мер во внутренней и внешней политике, и радикальных сторонников крестьянской революции (национальной левой контрэлиты), которые добивались полного слома существующей в стране политической и экономической системы.

Рубежным моментом в отношениях сторон явилось подписание в Лондоне в октябре 1947 г. англо-бирманского договора о независимости, который Компартия отвергла как “закабаляющий”

Бирму [Dr. Maung Maung 1956, 190–200]. К началу 1948 г. критика правительства Лиги со стороны коммунистов усилилась до предела: независимость страны была объявлена “фальшивой”, а само правительство “фашистским”. Исходя из тезиса о разворачивающейся в Бирме борьбе города и деревни (“империализма против независимости”, в терминах КПБ), один из лидеров коммунистов Х. Н. Гошал (“Тов. Ба Тин”), ответственный за идеологическую работу в партии, в декабре 1947 г. раскритиковал “правые” ошибки КПБ (признание Компартией АЛНС) и призвал исправить этот уклон [Васильев 2010, 258–259]. Несколько позже этот подход был разработан более подробно и превращен в документ КПБ, названный “О современной политической ситуации и наших задачах”. Его одобрили Политбюро, затем ЦК партии и несколько позже – в марте 1948 г. – конференция КПБ в г. Пьинмана, опорной базе повстанцев среди джунглей хребта Пегу-Йома. Характерно, что четвертым пунктом данного постановления значилось: “Конференция решает, что АЛНС должна быть уничтожена всеми возможными средствами” [Premier reports 1957, 49]. После угрожающей резолюции Компартии, принятой в марте 1948 г., главные лидеры коммунистов, предупрежденные о полицейских облавах, покинули города и ушли в джунгли на заранее выбранные места базирования, чтобы начать вооруженную борьбу против правительства АЛНС.

Здесь следует напомнить, что в Бирме с весны 1946 г. существовали две общепирманские коммунистические организации. В марте этого года группа членов ЦК во главе с Такином Со выделилась из КПБ и создала свою отдельную партийную организацию под названием “Бирманская коммунистическая партия Красного флага”. Название последней содержало намек на то, что основная КПБ “Белого флага” – “соглашательская”, а “Красный флаг” – истинно революционная партия. Она полностью порвала с АЛНС и первой в послевоенной Бирме ушла в джунгли, приняв тактику вооруженной партизанской борьбы [Васильев 2010, 256].

Развернувшееся с марта 1948 г. вооруженное противоборство между бирманскими социалистами и коммунистами стало на долгие десятилетия главным фронтом начавшейся в Бирме гражданской войны. Надо сказать, что поначалу инициатива в проти-

востоянии целиком принадлежала силам вооруженной оппозиции. Популярности бирманских коммунистов, которые в апреле 1949 г. овладели вторым городом страны – Мандалаем – и контролировали большую часть центральных районов Бирмы, способствовали их обещания быстро и жёстко решить земельный вопрос и другие социальные противоречия. Одновременно, в январе 1949 г. на юге и юго-востоке страны началось широкое восстание каренов и монов, стремившихся создать собственное государство в пределах всей Нижней Бирмы. В то же время, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. исход гражданской войны и в центре, и на окраинах Бирмы был ещё отнюдь не предрешен. Несмотря на значительные успехи повстанцев, общее соотношение сил постепенно смещалось в пользу бирманских властей. Начавшееся с конца 1949 г. широкое наступление бирманской армии привело к фактической ликвидации крупных “освобожденных районов” и отступлению повстанцев в труднодоступные горные области, где левая оппозиция перешла к тактике затяжной партизанской войны [Можейко 1973, 266–267, 272–279]. В стране установилось устойчивое равновесие между правительственными и повстанческими силами.

Такое развитие межэлитного противостояния в Бирме во многом обуславливалось тем обстоятельством, что руководители КПБ, в том числе Х. Н. Гошал и Такин Тан Тун, помимо зародившейся в Китае традиционалистской концепции крестьянской революции, в 40-е – 60-е гг. XX в. испытывали серьезное идеологическое воздействие со стороны советского центра коммунистического движения [Информационное совещание 1948, 155–157]. Советское идейное влияние на левое движение в аграрных странах Востока проявлялось, прежде всего, в ориентации местных коммунистических сил на создание внутри “освобожденных регионов” полноценных государственных институтов советского образца и параллельное преобразование социальных порядков [Васильев 2010, 257–258]. Данные меры в теории должны были служить “витриной” нового строя и привлекать на сторону революционных сил массы новых приверженцев. В действительности, входя в противоречие с установками Мао Цзе-дуна о перенесении коренных социальных изменений на период после общей победы, все эти преобразования в повстанческих районах,

как правило, носили преждевременный характер с точки зрения достижимости конечной цели – победы в гражданской войне. Партизанская армия, взявшая под контроль крупные регионы страны и развернувшая там полноценное госстроительство, оказывалась вынуждена защищать занятые области по всему периметру рубежей – как в современной позиционной войне. При этом у партизан ощущалась постоянная нехватка технических средств и людских ресурсов для ведения современных боевых действий. В результате правительственные силы, рано или поздно, прорывали оборону партизан, рассекали подконтрольные им регионы на несколько частей, после чего загоняли повстанцев в джунгли и отбрасывали крестьянскую войну до первоначального уровня нескольких мелких очагов [Тарасов 2000, 95–97]. В Бирме эклектичность идеологии местной левой контрэлиты привела к тому, что в середине XX ст. развитие повстанческого движения в стране также происходило в рамках подобного сценария. При этом, неблагоприятное для КПБ стечение обстоятельств дополнительно усугубляли допущенные коммунистами левацкие перегибы – прежде всего, конфискация земель у середняков и ликвидация зажиточных крестьянских хозяйств. Ослаблению коммунистического движения способствовала и политика руководства повстанцев по отношению к буддизму, не учитывавшая влияния религии на крестьянство [Можейко 1982, 81–82].

Тем временем, 2 марта 1962 г. в Бирме произошел государственный переворот. К власти в стране в лице временного Революционного совета пришла армия во главе с ее главнокомандующим генералом Не Вином. Бирма выдвинула программу социалистической ориентации, которая была сформулирована в апреле 1962 г. в декларации Революционного совета “Бирманский путь к социализму” [Не Вин 1965, 142–149]. Стремясь обеспечить благоприятные условия для социалистических преобразований и вовлечь в них максимально широкий спектр патриотических сил, в июне 1963 г. правительство Революционного совета предложило вооруженной оппозиции начать прямые мирные переговоры. С октября 1963 г. переговоры с Революционным советом вела уже объединенная делегация КПБ и НДОФ (“Национально-демократического объединенного фронта”), включавшего повстанческие

силы ряда национальных меньшинств. Однако требование КПБ и НДОФ о юридическом признании их власти на занимаемой постанцами территории было отвергнуто Ревсоветом, и вскоре переговоры зашли в тупик [Васильев 2010, 306–307].

Неудача переговоров сторон в большой мере была связана с внутренней радикализацией КПБ, в руководстве которой к началу 1960-х гг. ослабли позиции сторонников просоветской линии, ранее потерпевшей провал в “освобожденных районах” Компартии, и, напротив, усилилось влияние приверженцев борьбы “города и деревни” по классическим китайским лекалам. Последних в указанный период активно поддерживал генеральный секретарь КПБ Такин Тан Тун, принявший решение ликвидировать просоветскую фракцию внутри партии и добиться победы в гражданской войне путем последовательной реализации стратегии крестьянской революции. Подобному повороту в политике Компартии Бирмы способствовала традиционализация мировоззрения партийного актива, который на протяжении полутора десятков лет был вынужден функционировать в отдаленных горно-лесных районах, оторванных от очагов цивилизации и находящихся в окружении обширных анклавов архаичной натурально-хозяйственной экономики.

На процесс радикализации бирманской контрэлиты повлияла также и развернувшаяся в Китае с середины 1960-х гг. “культурная революция”, которую китайские власти стремились распространить на сопредельные страны. Например, в 1967 г. китайские представители, прибывшие в Бирму, используя учеников местных китайских школ, организовали выступления с ношением маоистских значков. В ряде городов произошли массовые бирманско-китайские столкновения, приведшие к человеческим жертвам и резкому ухудшению межгосударственных отношений.

В том же 1967 г. в КПБ началась собственная “культурная революция”. Она имела целью полный перевод партийной политики в русло идеологии крестьянской революции и расправу с так называемыми “ревизионистами” – партийной фракцией, выступавшей за построение советской власти в “освобожденных районах” и переговоры с властями. В рядах Компартии развернулась масштабная кампания идеологической индоктринации партийного актива в духе радикальных идей Мао Цзе-дуна. Отталкиваясь от

концепции Мао о непрерывности “культурной революции”, идеологи КПБ с середины 1960-х гг. утверждали, что враги “внутри партии и вне ее” существуют постоянно; на смену разоблаченным “ревизионистам” неизбежно приходят “неоревизионисты”, при этом такое вечное разделение на “революционеров” и “ревизионистов” является “всеобщим законом революции”. Именно под влиянием подобной пропаганды 15-летний сын одного из руководителей бирманских коммунистов, обвиненных в “ревизионизме”, в 1967 г. требовал, чтобы расправу над отцом поручили совершить ему. В пропагандистских материалах КПБ, обращенных к повстанцам, утверждалось: “Умереть! – это слово отвечает духу марксизма, ленинизма, маоцзэдунизма... Какие бы поступки вы ни совершали, товарищи, смерть в конце концов все оправдает!” [Кудинов 1982, 137–138]. Эта характерная для старого Дальнего Востока психология фанатичной преданности идеям разнообразных тайных обществ, в условиях общей архаизации сознания маргинализированных масс, чрезвычайно актуализировалась в Бирме в послевоенный период истории страны. Жертвами “культурной революции” в КПБ стали, прежде всего, ветераны партии, члены Политбюро и ЦК (Ко Хтей, Х. Н. Гошал, Бо Ян Аун и др.), которые были казнены в 1965–1967 гг. Иницировавший чистки сам глава КПБ Такин Тан Тун также не избежал печальной участи – в сентябре 1968 г. он был убит в джунглях то ли собственным охранником, то ли специальным правительственным агентом [Васильев 2010, 312]. При этом следует особо подчеркнуть, что сам факт окончательного оформления в 1960-е гг. изолированной военно-политической группировки, нацеленной на захват верховной власти в стране, находился целиком в русле представлений традиционной бирманской политической культуры, в рамках которой представители правящей верхушки из столетия в столетие создавали собственные группы, претендовавшие на престол, апеллировавшие к широким слоям населения и сцентированные изнутри различными атрибутами избранности.

Параллельно с процессами внутри левой контрэлиты, где происходила консолидация сил для решающего удара по правительству, сами военные руководители Бирмы тоже готовились к новому этапу противостояния с радикальными традиционалистами. При этом бирманские модернисты хорошо понимали, что

привлечь массы на свою сторону и добиться победы в гражданской войне возможно только политическими средствами, путем проведения в стране масштабных социальных преобразований. Исходя из этого тезиса, пришедший к власти после военного переворота 1962 г. командующий бирманской армией генерал Не Вин на протяжении 1963–1965 гг. осуществил в стране радикальную аграрную реформу [The Peasant's Right Protection Law 1963; The Tenancy Law 1963]. Она в корне изменила колониальные порядки, сложившиеся в деревне в предшествующий период, выведя массы сельского населения из безнадежной долговой кабалы [Агаджанян 1989, 118–119]. Обстановка в стране начала стабилизироваться, прежде всего, прекратилось прогрессирующее разорение бирманского крестьянства – основной части населения страны.

Теряя поддержку в центральных районах Бирмы, населенных этническими бирманцами, руководство КПБ во главе с Такин Тан Туном в середине 1960-х гг., после срыва мирных переговоров с правительством, резко нарастило военно-политическую активность Компартии. В 1965 г. КПБ провозгласила курс на захват власти в стране вооруженным путем (от чего она с оговорками отошла в середине 1950-х гг.), а с конца 1967 г. силы Компартии перешли во “всеобщее наступление” против правительства. Когда к концу 1960-х гг. правительственные войска разгромили силы КПБ на юге и в центре страны (где находились их старые базы), коммунисты, действуя по заранее разработанному плану, перебазировались на северо-восточные окраины Бирмы, к границе с Китаем. С китайской поддержкой отряды Компартии набрали такую силу, что именно в этом районе на рубеже 1960–1970-х гг. стали разыгрываться крупнейшие с 1949–1950 гг. фронтальные (а не только партизанские) сражения [Кудинов 1982, 138–139]. Тем не менее, разгромить бирманскую армию в открытом бою, сбить ее с позиций на северо-востоке и вновь прорваться в центральные области страны отрядам КПБ не удалось. Это обстоятельство означало коренной перелом в ходе всей гражданской войны – с конца 1960-х гг. происходило неуклонное укрепление военно-политических позиций бирманских модернистов в их борьбе с радикальными традиционалистами. Отходу этнических

бирманцев от поддержки леворадикальной контрэлиты способствовали, в частности, террористические методы ведущейся повстанцами “революционной войны”, когда отряды Компартии, помимо военных объектов, регулярно осуществляли нападения на провинциальные государственные учреждения, школы, кооперативы, старост деревень в бирманской глубинке [Smith 1999, 209–210]. В результате успехов правительства в борьбе с левыми повстанцами уже в 1968 г. войсками были разгромлены основные базы и схвачен ряд членов ЦК Коммунистической партии “Красного флага”. В ноябре 1970 г. сдался властям и сам глава “Красного флага” – Такин Со, один из основателей бирманской Компартии [Котляров 1982, 181–182]. Между тем, состоявшиеся осенью 1980 г. и весной 1981 г. секретные встречи Не Вина и представителей КПБ “Белого флага” снова окончились провалом. Конец переговорам был положен жестким ультиматумом правительства: роспуск КПБ, ее “народной армии” и ликвидация “освобожденных районов”, на что Компартия согласиться никак не могла. После срыва переговоров последняя мобилизация военных сил левой контрэлиты привела в середине 1980-х гг. к резкому обострению гражданской войны в стране. В конце 1985 – начале 1987 гг. на севере и юге Бирмы произошли крупнейшие за 15 лет бои между вооруженными силами КПБ, качинов и каренов, с одной стороны, и правительственными войсками – с другой [Васильев 2010, 315–318]. Эта последняя вспышка военной активности левой контрэлиты способствовала окончательному истощению ее сил. На данном этапе гражданского противостояния маргинализировавшаяся Компартия Бирмы, ослабленная внутренними конфликтами и военными поражениями, превратилась в политическое прикрытие для сепаратистских движений народностей ва и кокан (бирманских китайцев), которые более не желали воевать за чуждые им, как они считали, интересы бирманских политиков [Козьма 2014, 145].

Военный переворот 18 сентября 1988 г., приведший к власти консервативное ответвление национальной военной элиты, подвел черту под более чем сорокалетней борьбой коммунистической контрэлиты Бирмы за власть над страной. Новое военное руководство сформировало фактическое правительство страны – Государственный совет по восстановлению законности и порядка

(ГСВЗП), признавший право национальных меньшинств на региональную автономию и сохранение собственных вооруженных формирований [Burma Communist's Party Conspiracy 1989, 105–106]. Удовлетворить эти требования окраинных народностей долго отказывались оттесненные от власти модернисты генерала Не Вина, тем самым подталкивая движения национальных меньшинств к тактическому союзу с бирманской Компартией. Получив перспективу достижения соглашения с центральной властью, народности ва и кокан, представлявшие главную военно-политическую опору Компартии, уже в апреле 1989 г. восстали против бирманского руководства КПБ. Вся организация бирманской Компартии быстро распалась, лидеры КПБ во главе с ее председателем Такин Ба Тейн Тином бежали в Китай, туда же отошли верные им отряды [Васильев 2010, 346–347].

Упомянутая длительная борьба бирманских модернистов и традиционалистской левой контрэлиты являлась внешним выражением глубокого кризиса местного традиционного общества, совершенно дезориентированного жестким вторжением в жизнь Бирмы новых капиталистических реалий. В рамках комплекса военных, политических и экономических мероприятий, осуществленных правительством генерала Не Вина после переворота 1962 г., данный кризис к началу 1990-х гг. оказался в целом преодолен. Порожденная им радикальная контрэлитная группировка, допустившая в борьбе за власть немало военных и политических просчетов, постепенно потеряла поддержку в массах бирманского крестьянства, которое приспособилось к новым политическим и экономическим практикам.

В то же время, происходившее в Бирме в колониальный и постколониальный период разрастание пауперизированных городских слоев на протяжении послевоенных десятилетий формировало в стране новую, урбанизированную протестную среду – питательную почву для возникновения очередной, уже праворадикальной контрэлиты, существенно укрепившей свои позиции в ходе происходящей с 2011 г. демократизации местного политического режима. Последующие события (в том числе, намеченные на 8 ноября 2015 г. очередные выборы в парламент Бирмы/Мьянмы) покажут, сумеет ли новое поколение мьянманской правящей верхушки, подобно предшественникам, справиться

с возрастающим натиском радикально настроенных контрэлитных групп, сможет ли оно решить задачу их мирной инкорпорации в состав объединенной национальной политической элиты.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанян А. С. Государство и традиционная политическая культура Бирмы // **Государство в докапиталистических обществах Азии.** Москва, 1987.

Агаджанян А. С. **Бирма: крестьянский мир и государство.** Москва, 1989.

Васильев В. Ф. **История Мьянмы/ Бирмы. XX век.** Москва, 2010.

Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. Москва, 1948.

Козьма П. Н. **Наш человек в Мьянме.** Москва, 2014.

Котляров В. С. Усиление вмешательства Пекина во внутренние дела Бирмы в середине и конце 1970-х г.г. // **Бирма и Китай (Проблемы взаимоотношений).** Москва, 1982.

Кудинов В. П. Межгосударственные отношения Бирмы и КНР в конце 1960-х – начале 1970-х г.г. Провал попытки маоистов провести в Бирме “культурную революцию” // **Бирма и Китай (Проблемы взаимоотношений).** Москва, 1982.

Листопадов Н. А. У Ну // **Восток, 1996, № 1.**

Листопадов Н. А. У Не Вин // **Вопросы истории, 1997, № 11.**

Листопадов Н. А. У Тан // **Вопросы истории, 1998, № 6.**

Листопадов Н. А. Генерал Аун Сан // **Восток, 2005, № 5.**

Мао Цзе-дун. О новой демократии // **Избранные произведения.** Т. 3. Москва, 1953.

Мао Цзе-дун. Относительно противоречия // **Избранные произведения.** Т. 2. Москва, 1953.

Можейко И. В., Узянов А. Н. **История Бирмы. (Краткий очерк).** Москва, 1973.

Можейко И. В., Узянов А. Н. Бирма и бирмано-китайские отношения // **Бирма и Китай (Проблемы взаимоотношений).** Москва, 1982.

Не Вин. **Бирма на новом пути.** Москва, 1965. Тексты документов и материалов Революционного совета помещены в приложении к книге.

Тарасов А. Н. Наследие Мао для радикала конца XX – начала XXI веков // **Свободная мысль–XXI**, 2000, № 4.

Burma Communist's Party Conspiracy to Take over State Power. Ministry of Information. Rangoon, 1989.

Lintner B. **Burma in Revolt: Opium and Insurgency since 1948.** Bangkok, 1994.

Lintner B. **The Rise and Fall of the Communist Party of Burma.** Hong Kong, 2014.

Premier Reports to the People of the Union of Burma. Rangoon, 1957.

Smith M. **Burma – Insurgency and the Politics of Ethnicity.** London, 1999.

Taylor R. H. **The State in Myanmar.** Singapore, 2009.

The Peasant Right's Protection Law. Rangoon, 1963.

The Tenancy Law. Rangoon, 1963.

The Treaty between the Government of the United Kingdom and the Provisional Government of Burma Regarding the Recognition of Burmanese Independence and Related Matters. London, 1947. Текст договора помещен также в книге: *Dr. Maung Maung.* **Burma in the Family of Nations.** Amsterdam, 1956.